

Рославлев Александр Степанович

Сказки в стихах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
А46

А46 **Александр Степанович Р.**
Сказки в стихах / Рославлев Александр Степанович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 44 с.

ISBN 978-5-519-81204-7

ISBN 978-5-519-81204-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Звѣрованья въ страшныхъ машкерахъ,
Удалы бои кулачные,
Вихрелеть на тройкахъ бѣшеныхъ.
Все то пчелкѣ приглядѣлося,
Все то скоро ей прискучило,
Захотѣлось неба яснаго,
Захотѣлось поля чистаго,
Духовитыхъ, тихихъ цвѣтиковъ,
Надоѣло быть царицею,
И взмолилась пчелка Господу:
„Ты прости меня, о Господи,
Ты верни мои мнѣ крылышки,
Отпусти на волю вольную“.
Внялъ Господь ея раскаянью

И сказалъ во славѣ мудрости:
„Всякой твари жизнь разумная,
Всякой твари радость разная“.
Сномъ распалось царство шумное,
Полетѣла пчелка весело
Черезъ рѣчки, черезъ рощицы
Въ улей свой, подъ липовъ цвѣтъ.
Съ той поры осталась памятка,
Какъ была она царицею
И ходила пышно въ золотѣ
Такъ поднесъ блестятъ на солнышкѣ.
Золотая чудотворица,
Божья вѣрная работница.

СКАЗКА О ПРЕХЪ ЦАРСКИХЪ ДИВАХЪ И ОБЪ ИВАШКЪ, ПОПОВСКОМЪ СЫНЪ

Рѣ нѣкоемъ царствѣ жилъ народъ,
День за днемъ, изъ года въ годъ,
Проводилъ онъ за мѣрами,
За стоялыми медами.
Изъ глубокихъ погребовъ,
Изъ желѣзныхъ сундуковъ.

Казначей, согнуть дугою,
Съ длинной, бѣлой бородою
Въ шапкѣ золото носить,
Всѣмъ по пригоршнѣ дѣлать.
А на пристани купцы
Про заморскіе концы,
Разложивъ свои товары,
Разводили тары-бары,

Крѣпко бились объ закладъ
Навѣрняка и на угадъ,
И народъ валить толпами,
Шутки шучивалъ съ купцами,
Любовалъ и выбиралъ,
Не торгуясь, покупалъ.
Послѣ долгаго бездѣлья
На народное веселье
Поглазѣть и царь не прочь.
Посадилъ царевну—дочь,
Оглядѣлся соннымъ взглядомъ,
Плотно сѣлъ съ царицей рядомъ
И на тройкѣ вороной,
Въ колымагѣ золотой

Їдетъ... лихо мчится тройка.
Бубенцы смѣются бойко,
Їдетъ свитой окружень,
Клики, пушки и трезвонъ...
Вотъ и пристань. У причала
Корабли ждутъ. Тройка стала.
Царь съ царицей позади
А царевна впереди,
Не спѣша, идутъ со свитой,
Половицею расшитой.
Хлѣбъ и соль имъ и поклонъ,
Клики, пушки и трезвонъ...
Каждый что-нибудь подноситъ
И принять усердно проситъ.
Царь ихъ даритъ въ свой чередъ
И о торгѣ рѣчь ведетъ.
Вышилъ ковшъ заморской браги
И обратно къ колымагѣ
Ужъ идетъ, шатаясь, онъ.
Клики, пушки и трезвонъ...

* * *

У царя три дива было,
И молва о нихъ трубила.
Диво первое былъ садъ,
Обнесенный въ семь оградъ.
Садъ былъ малъ, но, право слово,

Лучше всякаго большого.
Сорокъ статныхъ яблонь въ немъ
Веселы, нарядны днемъ
Что сметаною облиты
Красовались духовиты.
Ночью-жъ каждая изъ нихъ
По сту яблочь золотыхъ
Съ шумомъ на земь отрясала,
А на утро зацвѣтала.
Засвѣтивши фонари,
Подбирая до зари,
Полысѣвше въ запретахъ,
Пятьдесятъ дяковъ раздѣтыхъ
Клали въ ларь за плодомъ плодъ
И на немъ писали счетъ.
Счетъ печатью закрѣпивши
И за службу наградивши,
Заперевши семь дверей,
Отпускалъ ихъ казначей.
Становили ларь на дроги;
Съ тяжкимъ гуломъ, по дорогѣ
Ровно лаженныхъ камней,
Ихъ катили сто коней,—
Крытыхъ пестрыми коврами
Съ бахромою и кистями
Подъ охрану и запоръ
На монетный крѣпкій дворъ.
Это первое. Второе

Диво было вот такое:
Златогривый, бѣлый конь,
Рогъ на лбу, въ глазахъ огонь.
Царь цѣнилъ его высоко
И берегъ прилежнѣй ока.
Какъ въ злосчастную луну
Снаряжаться на войну,
Знали всѣ: конь бьетъ копытомъ,
Значить, быть врагу убитымъ,
Если-жъ смиро конь стоитъ,
Значить, будетъ царь убитъ.
Непристойно царь бранился,
На коня онъ не садился,
А на подвигъ боевой
Ѣхалъ кто-нибудь другой..
Третье диво: Ковшъ глубокий,
Расцвѣченный, крутобокий
Повернетъ его царь дномъ,
Постучитъ въ него перстомъ
Словно десять вѣтровъ рьяныхъ,
Въ шитыхъ жемчугомъ кафтанахъ,
Появляются на зовъ
Десять бравыхъ молодцовъ.
Царь блажитъ, вина пьянѣе,
Чтобъ придумать почуднѣе
И, надумавши, велитъ
Принести имъ „рыбу кить“,
Птицу „перье-золотое“,

Или что-нибудь другое.
И, еще не кончить словъ,
Ужъ приказъ его готовъ.
Такъ царь жилъ въ свое веселье
Отъ похмеля до похмеля.
Говорилъ и старъ и младъ:
„Вотъ такъ царь,—не царь,—а кладъ!“.

* * *

Смолкъ веселый гамъ пирушки,
Смолкли трубы, смолкли пушки,
Все спилось и улеглось.
Лишь царевнѣ не спалось.
Что-то ныло и мѣшало,
То въ ознобъ, то въ жаръ бросало,
И лебяжьи жестки
Были ей пуховики.
Но подкралась зорька къ ночи
И сомкнула дрема очи.
Ужъ въ церквахъ къ обѣднѣ звонъ,
Снятся дѣвѣ грѣшный сонъ
Снятся ей: на дворъ широкий
Вѣхалъ витязь черноокий
Блещутъ латы, что огонь
И ретивый пляшетъ конь
Слѣзъ съ коня и крикнулъ гнѣвно:
„Гдѣ краса моя царевна?“

Я вамъ, пьяное дубье,
Гдѣ вы спрятали ее?^а
Заскрипѣли половицы,
Настежь дверь и онъ въ свѣтлицѣ,
Взявъ въ охашку и съ крыльца,—
Мимо стражи, пѣзъ дворца...
Въ стремя крѣпкое ногою,
Хватъ за гриву и стрѣлю
Полетѣлъ подъ небеса
Черезъ горы и лѣса.
Вдругъ они на полѣ бранномъ—
Кости, воронъ... Въ златотканномъ,
Аломъ, шелковомъ шатрѣ
Онъ съ ней рядомъ на коврѣ.
Клонить кудри къ ней шелковы
Говоритъ слова медовы.
И, дрожа, истомлена,
Просыпается она.
Въ разноцвѣтное оконце
Свѣтитъ ласковое солнце,
Пологъ радугой сквозитъ,
И царевна встать спѣшитъ.

* * *

Царь поднявшись очень рано,
Похмелялся съ полупьяна
А у ногъ его чета—

Два горбатые шута,
Потно-красные отъ злости
На щелчки играли въ кости.
У царя животъ болѣлъ,
Вспоминая, что онъ съѣлъ
И кто съ кѣмъ дрался скамьями,
Осовѣлыми глазами
Тупо глядя на разгромъ,
Царь былъ пасмуренъ лицомъ.
Вверхъ торчали ножки трона,
И алмазная корона,
Свѣтъ и цвѣтъ его землѣ,
Потонула въ киселѣ.
Вдругъ царевна, легче тѣни,
Подопшла и на колѣни
Опустилась передъ нимъ,
Передъ батюшкой своимъ.
„Свѣтъ мой батюшка, къ тебѣ я“,
Говоритъ она, краснѣя,
„Долго-ль дѣвкѣ до грѣха,
Смерть хочу я жениха“.
„Ишь ты“, царь, икнувши, молвилъ,
Дошилъ ковшъ, еще наполнилъ
И опять, блеснувши дномъ,
Постучалъ въ него перстомъ.
Словно десять вѣтровъ рьяныхъ,
Въ шитыхъ жемчугомъ кафтанахъ
Появились вмгъ на зовъ

Десять бравыхъ молодцовъ.
Приказалъ имъ царь: „летите
И къ полудню разыщите
Самыхъ старыхъ, мудрецовъ,
Вѣдуновъ и хитрецовъ,
Всѣхъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ,
Я нуждаюсь въ ихъ совѣтѣ“.
Поклонились молодцы
И въ далекіе концы,
Обернувшись соколами,
Понеслись за мудрецами.

* * *

Въ златостѣнные палаты,
Ярко вырядясь въ халаты,
Собирались мудрецы
Вѣдуны и хитрецы,
Турыи зубы, рыбы кости,
Книги, ладонки и трости
Разложили по столамъ
И разсѣлись по скамьямъ.
Послѣ долгаго сужденья
Вышло мудро ихъ рѣшенье:
„Царскимъ зятемъ будетъ тотъ,
Кто по чести назоветъ
Царство болѣе счастливо,
Гдѣ двоквинныѣ дива“.

На вопросъ ихъ, „такъ, или нѣтъ“,
Царь, одобвивши совѣтъ,
Наградилъ казной, коняши,
Жемчугами, соболями,
До пресыта угостилъ
И съ поклономъ отпустилъ.
Сѣлъ на тропѣ, надѣлъ корону
И, присягу давъ закону,
Скороходамъ-крикунамъ,
Звонарямъ и трубачамъ
Приказалъ по стольну-граду
Бѣзъ умолку три дня къ ряду
Созывать со всѣхъ концовъ
Для царевны жениховъ.

* * *

Всѣ въ томъ царствѣ старъ и малъ
Каждый что-нибудь да зналъ
Про Поповича Ивашку.
Быть съ душой онъ на распашку;
Кудри-ночь, а очи-жаръ,
Ухарь, бабникъ и гусларь.
Съ корабельщикомъ-бродягой,
Прогорлавивъ ночь за брагой,
И, намявъ ему бока,
Съ пѣсней онъ пѣзъ кабака
На утрѣ, шатаясь, вышелъ

И со всѣхъ концовъ услышалъ:
„Будеть царскимъ зятемъ тотъ,
Кто по чести назоветъ
Царство болѣе счастливо,
Гдѣ диковиннѣе дива!“
„Что жъ“, подумалъ онъ, „пойду,
Тары-бары разведу!“
Ловко гусли перекинулъ,
На затылокъ шапку сдвинулъ,
И явился во дворецъ.
— „Здравствуй“, „молвилъ“, царь отецъ!
Я узналъ, что за горами
За широкими морями
Въ чудо-градѣ царь живетъ,
Веселѣй его народъ,
Царство болѣе счастливо
И диковиннѣе дива.
У царя того есть садъ
Сажень садъ за семь оградъ,
Затворенъ семью вратами,
Запертъ хитрыми замками,
Сколько яблонь, всѣхъ не счесть.
Сколько яблокъ, всѣхъ не съѣсть.
Съ виду яблоки простыя,
А твои—хоть золотыя,
Коль сказать, чтобъ не соврать,
На одно не промѣнять;
Кто ихъ ѣстъ, тотъ все пригожѣй

И въ сто лѣтъ меня моложе,
Вотъ то диво каково,
Но диковиннѣй его
Вороная кобылица,
По заслугамъ баловница.
Стойло,—солнцева краса,
Вмѣсто сѣна и овса,—
Въ сладкомъ варевѣ орѣхи,
Пьеть лишь медъ, а для потѣхи
День и ночь играютъ ей
Десять рыжихъ трубачей.
День и ночь она пируетъ,
Но, лишь вражій духъ почуветь,
На дыбы и ко дворцу,
Прямо къ красному крыльцу.
Станеть, стукнетъ разъ копытомъ,
Съ вихремъ быстрымъ и сердитымъ
Съ моря туча налетитъ,
Туча солнце заслонитъ.
Стукнетъ два, ударятъ громы,
Всѣ попрячутся въ хоромы.
Стукнетъ въ третій разъ и вотъ,
Всѣ и все, дворы и скотъ,
Станутъ словно, бы игрушка,
Царь и съ нимъ любимый служба
Царство въ загребъ и въ мѣшокъ,
Да скорѣе на утекъ.
Подступаетъ вражья сила,

Подступила, затрубила,
Чисто поле, царства нѣтъ,
Отъ царя простылъ и слѣдъ.
Диво третье: ковшъ блестящій,
Часто брагою шипящій,
Повернетъ его царь дномъ
Постучитъ въ него перстомъ,
Тотчасъ съ криками веселья,
На лету роняя перья,
Прилетаютъ десять птицъ,
Обращаются въ царицъ.
Въ бѣлоснѣжныхъ сарафанахъ,
Краснымъ золотомъ затканыхъ,
Съ жаръ-цвѣтами въ волосахъ,
Съ цвѣтъ-перстнями на рукахъ.
Тѣшатъ пѣснями и пляской
Кто загадкой, а кто сказкой,
Царь, какой изъ нихъ чередъ,
Подмигнетъ и спать ведетъ
Такъ живетъ—не умираетъ
Въ немъ народъ души не часть,
День и ночь благодаря
Столь веселаго царя.
То ли царство не счастливо,
Не диковиннѣй ли дива?
Посмѣкай-ка, и коль я
Заслужилъ къ тебѣ въ зятя
То лишь къ свадьбѣ все готово,

Снарядивъ гонца лихого,
Шли за мной въ любой кабакъ,
Обо мнѣ тамъ знаетъ всякъ.
Такъ-то“.—Съ этими словами
Молодецъ тряхнулъ кудрями
И ужъ вышелъ было вонъ.
—Стой ты! Царь ему въ догонъ,
Засверкали грозно очи
И кричитъ, что стало мочи:
„Я те! Ты, я вижу, хватъ,
Отвѣчай мнѣ, твой тамъ садъ,
Кобылица и царицы,
Это былъ, иль не былъцы?“
Но Ивашка не смущенъ,
Рѣчь такую держитъ онъ:
Это былъ иль небылицы,
Ты спроси у Сиринъ-Птицы
Тамъ была она не разъ
Отъ нея идетъ мой сказъ
Я съ пріятностью забавной
Съ яснымъ мѣсяцемъ недавно
Въ облакахъ всю ночь гулялъ,
Пѣсни новыя игралъ.
Сиринъ тамъ, на звѣздномъ мостѣ,
Собиралась къ солнцу въ гости“.
Пуще царь разевирѣпѣлъ,
Инда весь позеленѣлъ:
—„Живо въ солнцеву столицу

И подать мнѣ Сиринь-Птицу,
Иль сейчасъ сѣдлай коня,
И доставь меня въ три дня
Въ царство то, что такъ счастливо,
Гдѣ диковиннѣе дива,
А не то пытать велю,
Въ жерновахъ тебя смею,
Кожу прочь съ тебя, какъ стружку,
Заряжу тобою пушку,
Въ ротъ свинецъ тебѣ волью,
А языкъ ко лбу прибью,
И собакамъ брошу кости,
Я те!“ Тутъ съ царемъ со злости
Вдругъ такой случился грѣхъ,
Что не вымолвишь при всѣхъ.

* * *

Борь сосновый, борь дремучій,
Изумрудный и пахучій.
Царскій поѣздъ... бубенцы,
По бокамъ трубятъ стрѣльцы,
Впереди трусятъ Ивашка,
Слѣдомъ царь въ рукѣ съ баклажкой.
Онъ на бѣлыхъ лошадяхъ
Въ горностаяхъ и шелкахъ.
Часто тянетъ изъ баклажки
И кричитъ порой Ивашкѣ.

„Эй ты, горе-молодецъ,
Скоро ль странствію конецъ?“
А Ивашка знай лишь свещетъ
Межъ корягъ дорогу ищетъ.
Дальше ѣдутъ повара
И готовятъ осетра,
А за ними скучно-тихи
Два шута и двѣ шутихи
И, прижавъ скуфью на лобъ,
Съ тощимъ причтомъ толстый попъ
Борь сосновый, борь дремучій,
Изумрудный и пахучій.
Ѣдутъ третій день, и вотъ,
Вечеръ ясный настаетъ,
Тѣни гуще. Крикъ кукушки,
Въ сочномъ золотѣ макушки.
Вдругъ лужайка, а на ней
Страшный теремъ изъ костей.
Въ царскомъ поѣздѣ смятенье,
Царь съ испугу подъ сидѣнье,
А Ивашка слѣзъ съ коня“,
„Подожди-ка здѣсь меня,
Наклонившись надъ телѣжкой,
Говорить царю съ усмѣшкой,
„Забѣгу спровѣдать я,
Какъ-то бабушка моя“.
Самъ же думая, какая
Ждетъ бѣда меня лихая?—